

**«МУЗЕЙ ПРОЖИВАНИЯ КНИГИ»
КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ.
ЭДУАРД ВЕРКИН «ОБЛАЧНЫЙ ПОЛК»**

Книги о войне нужны. Необходимы разные книги о войне: с горьким и страшным сюжетом, о подвиге и героизме, о поражениях и победах... Каждый писатель по-разному рассказывает историю о Великой Отечественной войне, о военном лихолетье.

Война глазами детей – какая она?

Тему детей и войны исследовали и раскрывали многие писатели. И все они подмечали, что она бессмысленна и противна человеческой природе.

Поговорим сегодня об одной книге о войне, которую заметили и выделили из целого списка современной литературы юные читатели – повести Эдуарда Веркина «Облачный полк».

Юные читатели отдали этой книге первое место на Всероссийском конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру». Именно у детей эта книга нашла самый живой отклик. Сложная, неоднозначная, она порой выворачивает душу наизнанку, заставляет лучше почувствовать и понять то, что было.

«А на что похожа война?» – такой вопрос задаёт один из героев повести Эдуарда Веркина «Облачный полк».

Тяжело ответить на этот вопрос тем, кто родился в мирное время и не испытал на себе всех тягот войны. И сложно ответить так, чтобы не переборщить с пафосом и геройством.

Для главного героя повести война похожа «на болезнь». Он говорит: «Всё время надо куда-то идти, каждый день, и всё время ты отчего-то просыпаешься, каждый день по пять раз просыпаешься... Короче: ты больной с распухшей головой бредёшь по снегу через вечный понедельник. При этом понимаешь, что вторника может и не случиться».

«Облачный полк» – современная книга о войне и её героях, книга о судьбах, о долге и, конечно, о мужестве жить. Отсутствие «геройства», простота, недосказанность, обыденность войны ставят эту книгу в один ряд с лучшими произведениями XX века.

Писатель представляет новый взгляд на тему войны. Доверяет нам своё понимание того, что происходит и будет происходить с нашим ощущением событий «до войны», «во время войны» и несколько десятилетий спустя.

Известный московский журналист Шамиль Идиатуллин сказал о повести следующее: «Облачный полк» необходимо прочесть каждому, кто читает по-русски».

Мы не являемся первооткрывателями новой формы библиотечной деятельности. Воспользовались опытом российских библиотечкарей. Только выбор свой остановили на повести Э. Веркина «Облачный полк».

Что же это за форма деятельности такая – Музей проживания одной книги?

Музей проживания одной книги – это:

- коллективная работа и знакомство с книгой;
- работа с текстом с применением предтекстовых, текстовых, послетекстовых стратегий понимания текста;
- работа с информацией, полученной при прочтении текста;
- ведение открытого диалога по проблемам, волнующим читателя;
- всестороннее изучение событий, предметов;
- исследовательская деятельность, раскрытие значимости и практического смысла прочитанного.

Музей проживания одной книги – это музей-мастерская. Экспонатами такого музея могут быть как работы, выполненные в разных техниках, так и рецензии, критические статьи, письма, написанные читателем автору или герою прочитанной книги, и т.д. Также в музейной экспозиции могут быть любые предметы, имеющие непосредственное отношение к тексту. Работы могут выполняться как коллективно, так и индивидуально.

Итак, создание музея одного произведения – это мотивация к самосовершенствованию, развитие творческих личностных качеств, развитие навыков работы в команде (планирование, распределение функций, взаимопомощь, взаимокон-

троль), умение находить множество способов решения проблем и навыков публичных выступлений в роли экскурсовода.

Необходимые материалы для формирования Музея проживания книги по повести Э. Веркина «Облачный полк»:

- повесть «Облачный полк» Э. Веркина – 3-4 экземпляра – для использования в процессе изучения, прочтения;

- книги из фонда библиотеки о партизанской войне. Мы использовали книги о партизанах Орловского края – для создания экспозиции;

- иллюстрации, фотографии военных лет – для использования в процессе создания экспозиции;

- справочная литература: словари, справочники, энциклопедии – для использования при составлении текста экскурсии;

- возможность выхода в Интернет, листок с подготовленными сопутствующими ссылками на определённые интернет-источники;

- карандаши, краски, фломастеры, ножницы, скотч, клей, кисточки, подставки для книг, кнопки и скрепки, указки, декоративные элементы – всё то, что поможет оформить зал с экспонатами.

1. Подготовительный этап.

Рассказ о технологии, объяснение правил и задач;

Команды получают «Памятку экскурсовода» и «Инструкцию по созданию музейного экспоната».

Памятка экскурсоводу

Подготовьте устное выступление (экскурсию по своей экспозиции, своему экспонату).

- составьте рассказ об экспонате (экспозиции);

- составьте план своего выступления;

- вставьте в свой рассказ эмоциональные моменты текста, над которым вы работали;

- старайтесь использовать эмоции, логику, чтобы слушатели «пошли» за вашими мыслями;

- будьте готовы к вопросам, которые вам могут задать «посетители» экспозиции.

Инструкция по созданию музейного экспоната

1. Прочитайте внимательно отрывки из повести Э. Веркина «Облачный полк» (у каждой команды свои тексты);

2. Найдите в книге представленные отрывки, сделайте закладки (в конце каждого отрывка указана глава и страница);

3. Используйте дополнительные материалы для подготовки экспозиции;

4. Оформите экспозицию, используя декоративные элементы, отрывки и высказывания из повести, иллюстрации, книги;

5. Проведите экскурсию по представленному экспонату.

2 этап:

Небольшая презентация по теме. Можно показать отрывок из документального фильма о Великой Отечественной войне или отрывок кинофильма по представленной книге. Презентация или отрывок из фильма поможет настроить участников на процесс игры, создать эмоциональный фон.

3 этап:

Деление на команды, обозначения (название команды) команд. Внутри команды игроки распределяют обязанности, выбирают экскурсовода или экскурсоводов.

4 этап:

Раздача материала командам для выполнения заданий. Каждая команда получает пакет документов для выполнения задания.

5 этап:

Запуск игры: работа с текстом, с дополнительной информацией. Каждая команда работает по своему направлению.

6 этап:

Рефлексия: оформление каждой командой своего зала, своей экспозиции. Проведение экскурсии.

Беседа о проведённом мероприятии, отзывы.

Повесть «Облачный полк» – это развёрнутое и подробное описание партизанской жизни: тактика ведения партизанского боя, быт, кухня и даже хобби – рыбалка, чтение книг, вязание и шитьё.

Поэтому мы решили, что у нас будет три зала с экспозициями:

Зал «Партизанский быт»,

Зал «Партизанская слава»,

Зал «Тактика и стратегия партизанской войны».

Участников делим на три команды, в соответствии с количеством музейных залов. В каждой команде выбирают экскурсовода.

Давайте совершим экскурсию в один из залов нашего музея и познакомимся с заданиями, которые будут выполнять участники игры.

Работать будем с залом партизанской славы.

Участники получают пакет документов.

В фонде библиотеки всего два экземпляра повести Э. Веркина «Облачный полк». Поэтому мы сделали выборку по каждому персонажу, указали главы и страницы. Участникам нужно прочитать отрывок, найти этот отрывок в книге, используя подсказки (номер главы и страницу), вложить закладку. На основании представленных отрывков описать героя. Подготовить экспозицию об этом герое, используя повесть и дополнительную литературу.

Итак, главные персонажи повести это:

Саньч. Саньч – это прототип Леонида Голикова, юного партизана, Героя Советского Союза. В повести Саньча только дважды называют по имени – Лёнкой, а по фамилии – Голиков, командир отряда обратится к нему лишь однажды, в самый трагический момент, когда большая часть отряда погибла, а оставшиеся пытались оторваться от преследующих их немцев.

Алексей Ковалец. Около 20 лет. Член партизанского отряда. В мирное время работал плотогоном (помощником сплавмастера). Учился в одной школе с Саньчем (на несколько классов старше). В школе имел прозвище Плавунец. Смелый и отчаянный партизан, при случае заботливо приглаживающий волосы фронтовой расчёской. В перерывах между боевыми операциями ухаживал за Алевтиной, достал для неё в подарок павлопосадский платок. Мечтал об ордене. Всегда был собран и ухожен. Смелый и отважный в бою. Его излишнее увлечение собственной внешностью являлось предметом вечных насмешек со стороны других партизан. Был убит карателями в партизанском лагере.

Лыков. В мирное время работал продавцом в керосиновой лавке. Пожилой, но очень сильный человек. Имел авторитет среди товарищей-партизан, поскольку являлся участником Гражданской войны. В партизанском отряде работал поваром:

«...вроде как к продуктам питания отношение имел, вот и годен». Готовил плохо, но на войне «горячо и много – значит и вкусно». Был убит карателями в партизанском лагере.

Глебов. Командир 67-го партизанского отряда. До войны был военным. Воевал в Испании, был на Финской войне. Занудный по характеру, раз в неделю вёл уроки с юными партизанами, рассказывал им об океанах, морях и сушах, материках, физике и физических явлениях, космосе и планетах. В мирное время был заядлым грибником. Погиб в деревне Лука.

Алевтина. Около 17 лет, блокадница. Её мать осталась в Ленинграде. В отряде помогала по хозяйству. Заботилась о своём брате Шурике. Увлекалась чтением книг, вязанием. Во время нападения карателей на партизанский лагерь была ранена. От ранений умерла.

Игорь Иванович Щенников. Возраст – 40 лет. По профессии часовщик, мелкие работы осуществлял с закрытыми глазами. Перед войной работал в леспромхозе механиком. В отряде отвечал за боеприпасы, чинил оружие. Погиб в деревне Лука.

Об этих персонажах участники собирают «досье», готовят текст экскурсии.

Работа в команде, требования к команде:

Команда должна быть мобильной, гибкой, активной, дружной, сплочённой.

Участники должны распределить задание между собой. Это позволит сэкономить время на его выполнение. Например, один участник работает над личностью Саньча и собирает на него досье, другой ищет сведения в книге об Алексее Ковальце...

Модератор игры должен направлять работу команд и участников.

Использование дополнительной литературы при создании Музея проживания книги.

Примеры:

Для образа Саньча можно воспользоваться информацией из книг и интернет-источников о юном партизане Леониде Голикове.

Для оформления «Зала партизанского быта» можно найти фронтовые фотографии с изображением блиндажа или землянки и воспользоваться рекомендациями по строительству землянки подполковника Б.В. Варёнышева.

Можно рассказать об академике Абраме Фёдоровиче Йоффе, который изобрёл «партизанский котелок» – термоэлектрогенератор ТГ-1. Разница температур пламени костра и воды в котле доходила до 300° и оказывалась достаточной для возникновения в термоэлектрогенераторе тока. В результате партизаны заряжали батареи своей радиостанции.

Можно использовать рассказ «Партизанская баня» Георгия Северского.

Что мы получаем после создания Музея?

В процессе создания Музея проживания книги, главы повести «Облачный полк» были распределены между участниками игры. Каждая глава повести прочтена, изучена, проанализирована и пересказана в виде экскурсии-обзора участниками.

Таким образом, с книгой ознакомились все участники, все гости мероприятия.

Дополнительные материалы для проведения Музея проживания книги см. в Приложении

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СОЗДАНИЮ МУЗЕЯ ПРОЖИВАНИЯ КНИГИ ПО ПОВЕСТИ Э. ВЕРКИНА «ОБЛАЧНЫЙ ПОЛК»¹

Зал «Партизанская слава»

Саныч

*Отрывки из повести
«Облачный полк»*

«Саныч был упрям» (С. 30, Гл. 2)

«Саныч всё-таки человек выдающийся, умеет и стрелять, и сказать. Наверное, это из-за того, что он газеты любит читать. Он их читает, а потом своё составляет. Ему, наверное, самому уже можно в газеты писать, надо, кстати, спросить...» (С. 33, Гл. 2)

«Я совершенно потерялся, шагал себе послушно за Санычем, который пробирался уверенно, как по дороге. По каким приметам он определял путь, я понять не мог, наверное, он знал каждое дерево в лицо, есть же люди с фотографической памятью, утром увидят газету в ларьке, вечером лягут в раскладушку и читают по памяти...» (С. 42, Гл. 2)

«В очередной раз убедился, что Саныч вперёд видит на восемь ходов, может быть, он и гада этого прихватил только для того, чтобы сейчас его в старицу загнать» (С. 42, Гл. 2)

«Саныч плюхнулся рядом с вершей. Синий, измазанный грязью, по коже мурашки, выглядел зло и опасно, побоксёрски, у нас в доме пионеров боксёры тренировались, так вот они все такими были, вислоплечие, сбитые, крепкие, как медведи, только Саныч всё равно с любым из них бы справился» (С. 45, Гл. 2)

«Саныч набычился и собрался, прижал локти, подбородок опустил, уши и те как-то в голову что ли втянулись, а Ковалец напротив, раздулся, как лягушка на свадьбе и заорал...» (С. 49, Гл. 3)

«– Не знаю, – Саныч пожал плечами. – Меня нельзя сфотографировать. Совсем то есть.

– Как это?

– Очень просто – меня цыганка в детстве заговорила» (С. 51, Гл. 3)

«Как-то раз отец Саныча, большой мастер по части производства фанеры, ну, и в других древесных премудростях разбирающийся, отправился в Сибирь с командировкой, а Саныч вместе с ним напросился, хотел Байкал поглядеть. Но до Байкала они не доехали, потому что по пути отец вышел за кипятком, и пока он стоял в очереди, Саныча украли цыгане. Отец побежал вдоль путей и увидел, как цыганята ведут маленького Саныча в сторону глухого пакгауза. Отец закричал, схватил Саныча, схватил одного цыганёнка, поволок в милицию. Их догнала старая цыганка, она упала на колени и умоляла отца их в милицию не сдавать, подарила золотые серьги, а на самого Саныча наложила заклятье от пули, боли и неволи.

– С тех пор от меня всё отскакивает, – сказал Саныч. – И ножи, и пули и фотографии. Сколько раз уже пробовали, и в школу фотограф приезжал, и из газеты – ничего не получается, хоть ты тресни» (С. 52, Гл. 3)

«– Ты ведь комсомолец уже, – спросил и одновременно ответил Ковалец. – Должен понимать. Вот я всегда удивляюсь,

¹ Веркин, Э. Облачный полк : повесть / Эдуард Веркин. – Москва : КомпасГид, 2012. – 291 с.

откуда такая разболтанность, а? Семнадцать лет, Герой уже почти представленный, а всё кривляешься! Разве так можно?» (С. 53, Гл. 3)

«Корреспондент стал задавать Санычу обычные вопросы, всё по порядку, как полагается, сначала про детство, потом про то, как он убил генерала. Саныч уныло, почёсываясь и похихикивая, в восьмой раз рассказывал про тот самый случай на дороге, со скучным видом привирая о том, как он выскочил с победным криком, как кинул гранату, затем вторую, как стал стрелять, отсекая мотоциклистов... а нет, мотоциклисты это в другой раз были, с пулемётчиками вместе, генерал и сам был огого, и без самокатчиков, с двух рук шмалял только так...

Виктор был явно неопытный, записывал подряд, много, подробно, не отсекая выдумки. Отчего Саныч постепенно разошёлся и распустился, и принялся врать уже напропалую, не обращая внимания на покашливания Глебова. Я тоже не удержался, и стал сигналить – моргать, и двигать носом. Но увлечённый Саныч этого, само собой, не заметил». (С. 55, Гл. 3)

«– Вы ведь пионер?»

Саныч помотал головой.

– Да не, уже по возрасту вышел, – сказал он. – Я в комсомол вступил, только у нас ячейки толком нет. Но ничего, всё постепенно. Я и в партию тоже хочу». (С. 65–66, Гл. 3)

«– Расскажите, как вы попали в партизаны? – спросил он. – В общих чертах, конечно.

– Да как все. Пришли немцы, выгнали в лес. В дома наши залезли, а мы землянки отрыли, стали жить. Думали ненадолго, ага. Потом глядим – осень уже, земля твёрдая...» (С. 66, Гл. 3)

«– Нет, я про то, как вы пришли в партизаны, если можно поподробнее.

Нет там никакой рыси дохлой, там и дупла-то нет.

– Так я и рассказываю. Мы жили в лесу, я мамке и говорю – чего это мы в землянках живём, а фрицы в нашем доме? Давай их подпалим, пусть попрыгают. А мама сказала, что не надо палить, как немцы уйдут, мы только полы с кирпичом помоем, да стены можжухой окурим. И вернёмся

себе спокойно. Ну, стали дальше в землянках сидеть. До нового года почти досидели, а потом я подумал, что мне надоело в корнях подгнивать, взял лопату и ушёл.

– А лопату зачем? – удивился корреспондент.

– Топор мать не дала, а лопата ей ни к чему, сажать всё равно нечего.

– А партизан как нашли?

Саныч хохотнул.

– А что их искать то? Тут у нас всё просто, или партизан, или полицей. Полицаев я сразу узнаю, по смраду, а если не смердит – так значит и партизан». (С. 66–67, Гл. 3)

«А Саныч напротив, был серьёзен и сосредоточен, видно, что к рыбалке он относится основательно, почти так же, как к войне» (С. 166, Гл. 8)

«– Без оружия! – проскрипел Глебов с такой силой, что кровь выплеснула через нос. – Сдай оружие, Голиков!» (С. 245, Гл. 12)

«Саныча с нами не было. Он лежал на склоне за рекой возле вымерзшего куста, уткнувшись лицом в землю. Я испугался, но тут он поднял голову и стал стрелять» (С. 260, Гл. 13)

«– Он погиб, – перебил я. – Тут всё просто.

– Да, конечно, – согласился Виктор. – Я это хотел не для книги узнать, для себя. Хочется понять некоторые вещи, прояснить, так сказать...

– Он погиб, – повторил я. – И Глебов. И Ковалец. Все.

– Да, я знаю» (С. 265, Гл. 14)

«– Да... Это правильно, что про Лёньку книжку писать будут, он ведь герой. Его именем даже улицу в Новгороде назвали. Валька сама видела.

– Улицу?

– Ага. Красивая, дома все новые, и водокачка есть, и липы цветут везде» (С. 279, Гл. 14)

«С толстой глянцевої бумаги альбома на меня смотрит Саныч. Весёлый и злой, стоит, прислонившись к стене. С копьём, в тени узкого горного ущелья, отделяющего сумрак от света, потомок Геракла в со-

рок третьем колене, вечно на страже»
(С. 290, Гл. 15)

Дополнительные материалы:

Голиков, Леонид Александрович

Леонид Александрович Голиков (известный как Лёня Голиков) – пионер-герой, тимуровец, участник Великой Отечественной войны, партизан, Герой Советского Союза (посмертно).

Дата рождения – 17 июня 1926

Место рождения – дер. Лукино, Старорусский уезд, Новгородская губерния, РСФСР, СССР

Дата смерти – 24 января 1943 (16 лет)

Место смерти – село Острая Лука, Дедовичский район, Псковская область, РСФСР, СССР

Награды:

Герой Советского Союза. Звание присвоено посмертно Указом Президиума Верховного Совета от 2 апреля 1944 г.

Орден Ленина.

Орден Красного Знамени.

Медаль «За отвагу», приказ войскам СЗФ № 0904 от 30 июля 1942 г.

Медаль «Партизану Отечественной войны» II степени.

Родился в семье рабочего. Окончил 7 классов. Работал на фанерном заводе № 2 посёлка Парфино. Бригадный разведчик 67-го отряда 4-й Ленинградской партизанской бригады, действовавшей на территории Новгородской и Псковской областей. Участвовал в 27 боевых операциях. Особенно отличился при разгроме немецких гарнизонов в деревнях Апросово, Сосницы, Север.

Всего им уничтожено: 78 немцев, 2 железнодорожных и 12 шоссейных мостов, 2 продовольственно-фуражных склада и 10 автомашин с боеприпасами. Сопровождал обоз с продовольствием (250 подвод) в блокадный Ленинград. За доблесть и отвагу награждён орденом Ленина, орденом Красного Знамени, медалью «За отвагу» и медалью Партизану Отечественной войны II степени.

13 августа 1942 г., возвращаясь из разведки от шоссе «Луга – Псков», неподалёку от деревни Варницы Стругокрасненского района гранатой подорвал легковую машину, в которой находился немецкий генерал-майор инженерных войск Рихард фон Виртц. В донесении командира отря-

да указывалось, что Голиков в перестрелке застрелил из автомата генерала, а также сопровождавших его офицера и шофёра, однако после этого, в 1943-1944 гг., генерал Виртц командовал 96-й пехотной дивизией, а в 1945 г. был взят в плен американскими войсками. В штаб бригады разведчик доставил портфель с документами. В их числе были чертежи и описание новых образцов немецких мин, инспекционные донесения вышестоящему командованию и другие важные бумаги военного характера. Представлен к званию Героя Советского Союза.

24 января 1943 г. в бою в с. Острая Лука Псковской области Леонид Голиков погиб.

Впоследствии был внесён в список пионеров-героев, хотя уже к началу войны ему исполнилось 15 лет.

Долгое время считалось, что фотографии Лёни Голикова не сохранилось, и для портрета, созданного Виктором Фоминым в 1958 г., позировала сестра Лёни – Лида. Но есть и подлинная фотография героя.

О подвиге Голикова написал очеркист Анатолий Вахов. Во время Великой Отечественной войны вышла его первая книга очерков о партизанах «Девять бесстрашных» (1944). В книге А.А. Вахова помещена фотография Лёни Голикова на стр. 61, сделанная в тылу врага корреспондентом ЛенТАСС, о чём свидетельствует штамп в нижнем правом углу. Это, возможно, единственное сохранившееся подлинное фото Героя. Существуют две фотографии героя, представленные в книгах А. Вахова и Ю. Королькова, но ни одна из них не является достоверной фотографией Л. Голикова.

Память

Имя Лёни Голикова носят улицы в г. Санкт-Петербурге, Калининграде, Омске, Донецке, в Великом Новгороде (бульвар, улица), Пскове, Старой Руссе (переулок), Окуловке, посёлках Пола и Парфино и др.

В честь Лёни Голикова назван переулок и установлен памятник в г. Йошкар-Ола (Республика Марий Эл).

В честь Лёни Голикова названа средняя общеобразовательная школа № 13 в г. Йошкар-Ола (Республика Марий Эл).

Имя Лёни Голикова носил детский лагерь в Раменском районе Московской области, принадлежавший ОАО «СКТБЭ».

Один из кораблей Новгородского клуба юных моряков носил имя «Партизан Лёня Голиков».

В честь Лёни Голикова назван детский лагерь в г. Зеленоградске Калининградской области. Там же установлен памятник.

Памятник Лёне Голикову установлен в селе Ягодное, близ Тольятти – территория бывшего пионерского лагеря «Алые паруса»; в г. Евпатория – территория бывшего пионерского лагеря «Золотой Берег»; на площади в Великом Новгороде.

На территории Выставки достижений народного хозяйства у входа в павильон № 8 установлен бюст работы скульптора Н. Конгисер.

Явился прототипом персонажа российско-японско-канадского анимационного фильма в жанре фэнтези «Первый Отряд».

Пятнадцатилетний капитан

Район деревни Лукино оказался под гитлеровской оккупацией, однако был отбит уже в марте 1942 г. Именно тогда из числа бойцов ранее действовавших партизанских отрядов, а также молодых добровольцев формировалась бригада, которая должна была отправиться во вражеский тыл для продолжения борьбы с фашистами.

В числе парней и девушек, переживших оккупацию и желавших бороться с врагом, был и Лёня Голиков, которого поначалу не приняли. Лёне на тот момент было 15, и командиры, отбиравшие бойцов, считали, что он слишком молод. Взяли его благодаря рекомендации школьного учителя, также вступившего в партизаны и уверявшего, что «ученик не подведёт».

Ученик и в самом деле не подвёл – в составе 4-й Ленинградской партизанской бригады принял участие в 27 боевых операциях, записав на свой счёт несколько десятков уничтоженных гитлеровцев. Первую свою награду, медаль «За отвагу», Лёня Голиков получил уже в июле 1942 г. Все, кто знал Лёню в бытность его партизаном, отмечали его смелость и мужество.

Однажды, возвращаясь из разведки, Лёня вышел на окраину деревеньки, где обнаружил пятерых немцев, мародёрствовавших на пасеке. Гитлеровцы были настолько увлечены добычей мёда и отмахиванием от пчёл, что оружие отложили в сторону. Этим и воспользовался развед-

чик, уничтожив троих немцев. Оставшиеся двое сбежали.

Одна из самых ярких операций Лёни произошла 13 августа 1942 г., когда на шоссе «Луга – Псков» партизаны атаковали машину, в которой находился немецкий генерал-майор инженерных войск Рихард фон Виртц.

Гитлеровцы оказали яростное сопротивление. В ходе перестрелки один из немцев стал убегать к лесу, но Лёня бросился вдогонку и последним патроном все же «достал» беглеца. Как оказалось, это был генерал, перевозивший важные документы. В руки партизан попало описание новых образцов немецких мин, инспекционные донесения вышестоящему командованию и другие данные разведывательного характера.

Документы переправили советскому командованию, а самого Лёню представили к званию Героя Советского Союза. Однако сначала – в ноябре 1942 г. Лёня Голиков за этот подвиг был награждён орденом Красного Знамени.

Лёня Голиков – первый подросток, ставший Героем Советского Союза

Герои и предатели

Увы, партизанская биография, как и жизнь Лёни, получилась недолгой. Юный партизан-разведчик состоял в 67-м партизанском отряде 4-й Ленинградской партизанской бригады, действовавшем на территории временно оккупированной Новгородской и Псковской областей. При его непосредственном участии подорваны 2 железнодорожных и 12 шоссежных мостов, сожжены 2 продовольственно-фуражных склада и 10 автомашин с боеприпасами. Особенно отличился при разгроме вражеских гарнизонов в деревнях Апросово, Сосницы, Север. Сопровождал обоз с продовольствием в 250 подвод в блокадный Ленинград. В декабре 1942 г.

гитлеровцы начали масштабную антипартизанскую операцию, преследуя отряд, в котором воевал Лёня Голиков. Оторваться от противника не получалось.

24 января 1943 г. группа партизан в составе чуть более 20 человек вышла к деревне Острая Лука. Немцев в населённом пункте не было, и измотанные люди остановились на отдых в трёх домах. Спустя некоторое время деревню окружил отряд карателей из 150 человек, состоящий из местных предателей и литовских националистов. Партизаны, которых застали врасплох, вступили в бой. Вырваться из окружения смогли лишь несколько человек, позднее и сообщившие в штаб о гибели отряда. Лёня Голиков, как и большинство его товарищей, погиб в бою в Острой Луке.

Благодаря показаниям жителей деревни, полученным после освобождения из оккупации, а также показаниям выживших партизан, было установлено, что Лёня Голиков и его товарищи пали жертвами предательства.

Награждён посмертно

Партизаны, выжившие в последнем бою отряда, не забыли о своих товарищах, в том числе и о Лёне. В марте 1944 г. начальник Ленинградского штаба партизанского движения, член Военного совета Ленинградского фронта Никитин подписал новую характеристику на представление Лёни Голикова к званию Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1944 г. за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками Голикову Леониду Александровичу присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Похоронен он на родине – в Лукино, где на его могиле установлен величественный

памятник.

Леонид Голиков был всего на девять дней младше легендарного героя-комсомольца из «Молодой гвардии» Олега Кошевого. Сохранилась всего одна фотография Лени, которая и позволила в будущем воссоздать на памятниках образ юного героя. А для детских книг в советское время использовались фотографии его младшей сестры Лиды.

Алексей Ковалец

Отрывки из повести «Облачный полк»

«Ковалец начал злиться. Он быстро злиться начинает, раньше работал плотником, любит поорать, умеет, а матерится так, что неосторожные комары замертво падают ещё на поллёте» (С. 47, Гл. 3)

«Ковалец, наверное, безобидный в общем-то, однако горячечный слишком, заносчивый, заносит его иногда. Не держит себя в руках, сердится очень» (С. 48, Гл. 3)

«Причёсывался Ковалец тоже не просто. Расчёска у него алюминиевая, с длинными острыми зубцами, блестящая, сбоку пилочка для ногтей, а на конце что-то вроде ложечки, приспособление неизвестного назначения – Саныч полагал, что ковырялка для ушей, сам Ковалец утверждал, что в ложке этой растапливают воск, который втирают в причёску для придания ей блеска и устойчивости. Эту выдающуюся расчёску Ковалец снял с одного ефрейтора, а потом долго кипятил на предмет избавления от немецкого духа, и спиртом протирал трижды, а после всех полагающихся процедур вставил в рукоять от бритвы, и когда надо было причесаться публично, красивым движением выщёлкивал её, и, тряхнув чубом, изысканно совершал туалет» (С. 48, Гл. 3)

«...Ковалец напротив, раздулся, как лягушка на свадьбе и заорал:

– Быстро в штаб!!! Быстро! Это приказ!!!

Это он за счёт голоса свой размер увеличивал, и перед командиром издали выслушивался, считал, что у кого громче ор, тот начальству больше заметен» (С. 49, Гл. 3)

«Ковалец жулькал в зубах папиросу, не курил, просто красовался – папироса была настоящая, и очень Ковальцу шла, с папиросой он выглядел гораздо мужественнее. Для фотографии, наверное, тренируется, в «Красной Звезде» хочет напечататься, а мне так кажется, ему уже можно и не тренироваться, пойдёт вполне себе, а папиросу ему, видимо, Виктор дал» (С. 72, Гл. 3)

«Я давно уже заметил – есть люди торжественные, а есть так, не очень. Вот Ковалец торжественный. Плечами поведёт – и как на трибуне развернётся, Саныч вот так не умеет» (С. 98, Гл. 4)

«Откуда-то, точно из-под снега, выскочил Ковалец, а может точно из-под снега. Он был не похож на себя, исчезла вся красота и гладкость, лицо оказалось перекошено яростью, в руках доска метра полтора длиной с закреплённой взрывчаткой. Полушубка нет, шапки нет, тоненький вязаный свитер. Ковалец кинулся к поезду через снег, высоко выдёргивая ноги, точно выплясывая дурацкий птичий танец. Его тут же заметили, охранник на платформе сдёрнул автомат и тут же вскинул руки, пуля пробила ему плечо и солдат упал между платформами, под колеса. Кулаков, снайпер. Машинист загудел, упал ещё один часовой, остальные очнулись и стали стрелять по Ковальцу, но его уже было не остановить. Кажется, он что-то орал, я бы орал, точно, как тут можно не орать?

– Не стрелять! – крикнул Саныч.

Мне. Я и так знал, что стрелять нельзя, рано, можно задеть Ковальца, только Кулакову можно.

Ковалец подскочил к рельсам перед первой платформой, сунул бомбу, и отпрыгнул в сторону, откатился, завяз в снегу, немцы стали стрелять гуще и отчаяннее, я подумал – вот сейчас в него точно попадут, но не попали, Ковалец перекатился, и ещё перекатился, и тут грохнуло, почему-то глухо, в стороны полетела земля и снег, так что я даже подумал, что бомба не сработала на полную мощность» (С. 193-194, Гл. 9)

«Ковалец смеялся вроде прилично, красивым голосом, каким смеются в кино, умудряясь при этом важно оправлять неожиданный заусенец на указательном пальце и поглядывая на остальных с но-

вым превосходством. А потом не удержался и расхохотался уже по-настоящему, задиристо и беззаботно, отчего вдруг стало видно, что он тоже сопляк, двадцати ему явно нет, просто уж такой большой вымахал» (С. 200, Гл. 10)

«– Глебов не мог их пропустить, – бормотал Саныч. – Нет, конечно, он никого и не пропустил, он всё предусмотрел, все ушли вовремя. Ковалец остался. То есть самый лучший остался, он прикрывал отступление остальных и...» (С. 227, Гл. 11)

«– Мы в школе вместе учились. С Ковальцом, он на несколько классов старше был, но я помню его. Над ним и тогда все смеялись, и одноклассники, и вообще все. У нас там рядом пруд был со школой, а Ковальцу однажды штиблеты купили, отец из Пскова привёз. Только на размер меньше они оказались, у Ковальца ноги всё время уставали, поэтому он их только раз в неделю надевал, по пятницам всегда. Но только на переменах их носил, а на уроках снимал. И вот однажды у него на физике их спёрли. Потихонечку так, Ковалец и не заметил.

Саныч усмехнулся.

– Эти штиблеты в таз сунули и в пруд запустили. Ковалец на улицу босиком выбежал, глядит, а башмаки его тонут. Он их доставать начал. Все собрались смотреть, вся школа. Ковалец сначала пробовал палкой достать, но пруд широкий слишком, не получилось. Ковалец тогда закричал и в пруд прыгнул, поплыл за туфлями, дурила...

Саныч потёр друг о друга ладони, подышал, разогревал пальцы.

– Весь в тине выбрался, над ним все смеяться стали, даже учителя. Он потом так рассердился – два дня в школу не ходил. И прозвище к нему привязалось – Плавунец. Он и раньше смешной был, дурачок дурачком. А потом к нам кино привозить стали, он в него ходить стал, смотрел, как жить правильно надо. Жениться хотел. Алевтина ему нравилась очень, он сватался к ней, я знаю. Раз пять, сватался и сватался, он упрямый. А Алевтина ему отказывала, говорила, что выйдет замуж только за Героя.

Саныч стучал зубами.

– Советского Союза... Вот он и злился. А он храбрый был, по-настоящему. Только ему не везло всё, он всё время старался,

а у него не получалось, понимаешь? Пойдём на мост, а он ногу подвернёт. Или операцию отменят. А потом ещё...» (С. 246-247, Гл. 12)

«— Зато он на фотографиях всегда хорошо получался, — сказал Саныч. — Красивый. Одеколониться любил, а Глебов ему запрещал — чтобы немцы не учуяли...

Саныч усмехнулся.

— Так то. Ты, Дим, не бойся, всё хорошо будет, — сказал он. — По-другому не может... Ковальца вот только жалко — ничего и не увидел. Только жить начал... А он ведь тоже герой. А помнишь его не будут, вот что погано.

— Будут, — возразил я» (С. 248, Гл. 12)

«— Он погиб, — повторил я. — И Глебов. И Ковалец. Все» (С. 265, Гл. 14)

Лыков

Отрывки из повести «Облачный полк»

«Лыков повар. Плохой, он в керосинке раньше работал, продавцом. Спички, мыло, мука, ячмень, ну, его здесь на кухню и поставили — вроде как к продуктам питания отношение имел — вот и годен. Вот он нам и кашеварит, как умеет, то крупа не доварена, то песок хрустит, про недосол уж никто и не вспоминает. А лук всегда пережжённый. Но у нас никто не ругается, горячо и много — значит и вкусно. Вот и сейчас, шкварки застревали в зубах, лук Лыков пожарить забыл, и порезать забыл, просто забросил в котёл целиком, и он распространился по всей каше, мягкий и разваренный, вместо моркови то ли грибы пересушенные, то ли корешки подозрительные. Еда. Раньше бы меня от этого всего стошнило, сейчас добавки попросил бы. Только Лыков и так её приносит, без напоминания. Он нас жалеет, у него то ли внуки, то ли правнуки уже, а мы их ему, наверное, напоминаем.

А дурачок Ковалец на нас покатыл, помешал обедне, вот Лыков сразу и расвирепел, настоящий керосинщик, а они всегда немного сумасшедшие — от горячих паров. У Лыкова и вид такой — керосиновый, жёлтый, глаза впалые, худой, хоть и при кухне состоит. Организм весь

насквозь отравлен и пропитан, мясо на костях не задерживается» (С. 50, Гл. 3)

«Лыков человек почему-то сильный. Я сам видел, как он подводу разгружал — на каждое плечо по мешку с мукой, и ничего, тащит, напевает. И хотя Ковалец сплавщик и тоже парень не хилый, с Лыковым ему, наверное, не сравниться. К тому же Лыков ещё и авторитетный дядечка, он ещё в гражданской участвовал, вес имеет, Ковальцу до него из двух ноздрей не досморгнуть, так что Ковалец пришпорил голос и уже попросил:

— Ты бы лучше шёл всё-таки, Фанера» (С. 51, Гл. 3)

«Лыков действительно суп уже доварил, поглядел на нас, молча забрал котелки и выдал уже полными, опять умудрился с горой, похлёбка — а с горой. Не жадный Лыков, хоть и керосинщик.

Похлёбка оказалась как всегда невкусной. Суповые принадлежности уже совсем разварились и не угадывались в ложке, понять, где грибы, где крупа, а где лук не получалось, у Лыкова определёнno был талант, наверное, на чемпионате худших поваров он бы занял первое место. Кроме того, в котелке болтались комары, сухие еловые иголки и прочий мусор, можно выловить ложкой или хотя бы отогнать в сторону, но у нас никто так не делал. Я раньше ловил, а теперь плюнул, разницы всё равно никакой.

Похлёбка оказалась как всегда, невкусной, но ели мы, как всегда, с удовольствием» (С. 72, Гл. 3)

«— Он погиб, — повторил я. — И Глебов. И Ковалец. Все» (С. 265, Гл. 14)

Глебов

Отрывки из повести «Облачный полк»

«Корреспондент раскрыл растерянно рот, Глебов поглядел на меня, щёлкнул языком.

— А куда мне их девать? — спросил он почему-то у Виктора. — Выгнать нельзя — их убьют сразу. А если не убьют, то в Германию угонят. Домой я их тоже не могу отправить, дом тут совсем не у каждого остался. Да и опасно отправлять, сами

знаете. Ко мне каждый месяц сопля какая прибивается, а я тут советская власть, я их определять должен...

Глебов свернул газету вчетверо, хлопнул себя по колену, сказал:

– А на месте они сидеть тоже не хотят, возраст не тот. Вот и воюют...

– Хорошо ведь воюют, – напомнил корреспондент.

– А... – Глебов только рукой махнул. – Это всё не для детей занятие, Виктор, сами ведь понимаете...

– В Древней Руси уже в двенадцать лет на поле выходили, – возразил Виктор. – Это исторический факт.

– Ну, мы же не в Древней Руси, – мягко перебил Глебов, – мы в Советском Союзе. Пацанва должна в школе сидеть, бабы должны щи варить, а воевать должны взрослые. Всё просто» (С. 59, Гл. 3)

«Мне Глебов всегда почему-то машиниста напоминает, не знаю уж почему, как увижу – так сразу представляется машинист. Наверное, из-за рук. У Глебова они большие и всё время торчат из рукавов. И нос большой, и уши тоже, мосластый человек. И занудливый. Никогда такого не встречал, удивляюсь, что он командир отряда, ему бы корзины плести... Нет, он наверное точно на железной дороге раньше работал, обходчиком. Он и сейчас всё обходит, везде смотрит, проверяет, а раз в неделю с нами уроки проводит. Ну, это он так называет. Рассказывает разное, а потом спрашивает, что мы запомнили. И ещё политические занятия, но это уже не с нами, а со всеми, на политзанятиях мы с Саньчем забираемся в дальний угол, играем в шашки или спим вообще» (С. 79-80, Гл. 4)

«– Как будет использоваться электричество через сто лет?

Это у Глебова такая система – он любит задавать вопросы. И почти все вопросы у него про будущее. Вот про ту же Антарктиду рассказал, а потом спрашивает, зачем она нужна? Я вот совсем не мог придумать, зачем этот бессмысленный лёд может понадобиться, а Саньч, конечно, имел своё мнение. Он сказал, что в Антарктиде можно обустроить отличную тюрьму и отправить туда всех гадов. Самых главных, конечно, туда не надо ссылать, их посадят в клетку и будут бесплатно показывать в каждом сортире, а обыч-

ных, конечно, в Антарктиду. Там во льдах выплавят для них специальные камеры, и они там станут сидеть, а когда они подыхать будут, их сверху просто водой станут заливать – и хоронить не надо.

А теперь вот про электричество Глебову интересно.

– Поезда на нём поедут, – ответил я. – Как метро в Москве. Кино каждому домой проведут... И вообще, электричество везде, наверное, будет» (С. 80-81, Гл. 4)

«– Интересно, что Глебов с этим Щурым возится, а? – спросил вдруг Саньч. – Присмотреть за ним велит. Он меня, кстати, не первый раз уже просит. И сам следит.

– Да он за всеми следит, – ответил я. – За мной тоже. Помнишь, когда я болел? Каждый день приходил, здоровье проверял. Он же командир – ему положено» (С. 87, Гл. 4)

«Глебов в Испании воевал, добровольцем ездил. И Финскую прошёл, у него друзей много» (С. 88, Гл. 4)

«Глебова почти не видно, голова обмотана бинтом и похожа на осиное гнездо. И ещё какие-то люди, я их не знал, но, кажется, партизаны, бородатые и взгляды злые. На носилках человек, закрыт шинелями. Раненый.

– Глебов! – позвал Саньч.

Бородатый старик вскинул автомат, направил на нас.

– Вы что костёр жжёте? – я съехал вниз. – На весь лес же слышно!

Глебов ничего не ответил, уставился на нас дурными мутными глазами, щека дёргается. Контузия, точно» (С. 240, Гл. 11)

«Глебов кашлял. Пуля пробила грудь и теперь болталась в лёгком, через рот шла кровь, и Глебов сплевывал её через каждые десять шагов» (С. 241, Гл. 12)

«Собрались у последней бани. Дышали тяжело, всхлипывая. Глебов прислонил к стене пулемёт, привалился сам.

– Надо в лес, за реку, – сказал он. – Сейчас побежите... Оружие держите. Не отстреливайтесь, только бегите, только вперёд. Я скажу когда...» (С. 259, Гл. 13)

«Меня повело, я вдруг понял, что сейчас умру, через минуту. Это было какое-то

огромное знание, ощущение... невероятное, описать это нельзя, это свалилось вдруг и подмяло, но Глебов оказался рядом. Он схватил меня за ремень и потащил за собой. Река всё не кончалась; Глебов держал меня за пояс, не давал упасть, а потом я почувствовал под ногами землю, схватился за кусты и пополз вверх» (С. 260, Гл. 13)

«Снег оказался глубоким, мы застряли, я завалился. В голове стало темно, упал лицом в холод, понял, что не встану. Меня перевернули. Глебов, лицо перепачкано кровью, засохшей, и свежей, и уже тёмной, Глебов очень хотел спать, такие глаза бывают у невыспавшихся, жёлтые, непроглядные. Он схватил меня за ворот фуфайки и поволок, вверх, по крути, застонал, выдернул на берег. Отдышался, поставил меня на ноги, привалил к дереву.

– Идти можешь?! Надо идти!!! Туда!

– Смогу, – ответил я.

– Тогда иди!

– Смогу...

– Вперёд! – крикнул Глебов. – Не оглядываться! Вперёд, вперёд, бегом! Бегом!

Он оторвал меня от берёзы и подтолкнул, осторожно, стараясь не повалить, бережно, ласково, как отец.

Я сделал несколько шагов и, конечно же, оглянулся.

Глебов уже переходил реку. Возвращался. Солнце показалось из-за леса, светило ему в бок, по снегу плясала худая нескладная тень с длинными руками» (С. 260-261, Гл. 13)

«– Он погиб, – повторил я. – И Глебов. И Ковалец. Все» (С. 265, Гл. 14)

Алевтина

*Отрывки из повести
«Облачный полк»*

«– Сколько ей лет? – спросил я.

Саньч не ответил.

– Сколько ей лет? – повторил я.

– Наверное, лет семнадцать. Или восемнадцать. А ты как думаешь?

– Семнадцать, – сказал я.

Я не очень хорошо определяю возраст девушек, совсем не умею если честно. Как его вообще определять? По росту?

– С чего ты так решил? – спросил с интересом Саньч.

– Тощая, – ответил я.

– Ну, она же из блокады. Они там все тощие.

– Да у неё по глазам видно» (С. 79, Гл. 4)

«Землянка Алевтины очень от нашей отличалась. Нет, построены они почти все одинаково, печка при входе, лежанки, окошечко для света, а дальше кто во что горазд. У кого стол настоящий, у кого кресло самодельное, у некоторых на полке доски откуда-то, печки обязательно – обычно самодельные, конечно, из булыжников сложенные да глиной обмазанные, только труба жестяная, а у некоторых и фабричные, такие маленькие буржуйки.

У Алевтины печка представляла собой нечто среднее – чугунная плита и дверца, стенки и труба из самодельных кирпичей. Грела печка хорошо, с улицы показалось горячо, вообще, в хорошо устроенной землянке теплей, чем в избе, только окон нормальных нет, но к этому быстро привыкаешь, потом в доме с окнами неуютно.

– Добрый вечер, – сказал Саньч чинно.

Алевтина кивнула. Она сидела возле плиты, читала книгу «Мёртвые души». Тоскливейшая вещь – её в солнечный день читать скучно, а уж в полутёмной землянке...

Алевтина улыбалась, наверное, на месте про Ноздрева, ну, как они в шашки играли, мне эти страницы тоже нравятся.

– А мы в гости к вам, – улыбнулся Саньч. – Не выгоните?

– Проходите, раз в гости, – пожала плечами Алевтина. – Садитесь вон...

Стулья кривые и уродливые, их Щурый делал. Гвозди у нас в цене, поэтому стулья вяжут веревками из ивовой коры, Щурый тоже так поступил. Верёвки разболтались, стулья стояли вкось-перекоось и опасно покачивались.

Мы уселись, причём я придвинул стул к стене, для лучшей опоры.

Щурый придвинул стол, Алевтина выставляла маленький чёрный самовар, похожий на сплющенное яйцо, стаканы в таких же чёрных подстаканниках. Нарезанный серый хлеб в выструганной из капа миске, сахар россыпью, просто так, на самом деле, видимо, именины.

– Угощайтесь, гости дорогие, – объявил Щурый и сам первым уместился за стол и стал быстро есть хлеб.

Алевтина за стол не села, осталась на топчане, а мы с Саньчем разместились вокруг самовара. Чай оказался с ромашкой и зверобоем, хлеб просто вкусный, я стал пить и потихоньку отщипывать краешки от ломтя» (С. 92-93, Гл. 4)

«Она почему-то была не в духе, злая немного. Наверное, из-за тесноты – мы пришли, и в землянке сразу стало не повернуться. А может, из-за блокады. Блокадники – они все злые, это понятно. Там почти все поумирали и сейчас умирают. У Алевтины, кажется, мать там». (С. 95, Гл. 4)

(Ковалец) «Жениться хотел. Алевтина ему нравилась очень, он сватался к ней, я знаю. Раз пять, сватался и сватался, он упрямый. А Алевтина ему отказывала, говорила, что выйдет замуж только за Героя.

Саньч стучал зубами.
– Советского Союза...» (С. 247, Гл. 12)

«– Он погиб, – повторил я. – И Глебов. И Ковалец. Все». (С. 265, Гл. 14)

Игорь Иванович Щенников

*Отрывки из повести
«Облачный полк»*

«А вон видите, это Щенников с топором идёт, он часы смастерить может. Ну, и оружие чинит, правда...» (С. 67, Гл. 3)

«Но к оладьям мы приступили не сразу, пришёл Щенников, а с ним ещё несколько человек, Саньч выставил рюкзаки и стал раздавать добычу. Всё доставалось сначала Щенникову, он осматривал каждую вещь и передавал её дальше, по принадлежности, гранаты оставлял себе.

Саньч пребывал в хорошем настроении, подшучивал:

– Знаете, почему Щенников все гранаты себе забирает? Он на каждой гранате остороженько гравировает – «Смерть фашистам». И неприличные знаки ещё.

Глебов кашлянул.

– Игорь Иванович ведь часовщик по профессии, – рассказывал Саньч. – Мастер – золотые-руки, мелкие работы осуществляет с закрытыми глазами. Он и на патронах то же самое производит. Можете посмотреть – на каждой пуле выцарапано

«Щенников И.И., с советским приветом». Правда, надо в лупу смотреть, так не видно. А вы знаете, что он накопил пятнадцать наручных часов и в каждые вмонтировал отравленную иглу с пружиной, сложил эти часы в ящик и подбросил на псковскую дорогу? Фашисты обрадовались, часы поделили – а ровно в час дня иглы вонзились во вражеские запястья! И пятнадцать трупов!

Теперь кашлянул уже Щенников, а мужики поглядели на него ещё с большим уважением.

– А вот, кстати, и часы, – Саньч достал часы. – Но эти часы у нас идут Лыкову... Где Лыков? Нету его?

– Кашу варит, – сказал Щенников. – Давай мне лучше. Мне хорошие часы на самом деле нужны...

Он поглядел на Глебова.

– Я никогда отравленных часов не делал, это он выдумывает всё» (С. 141-142, Гл. 6)

«Но дрезина не вернулась. Цокающий звук удалился, и стих, и тут же из-под ёлок показался Щенников со своей командой. На плече Щенникова болтался хомут бикфордова шнура, в руках деревянный ящик, мина. У остальных тоже мины, ломтики и короткие сапёрные лопатки, действовали все быстро и слажено. Мины закладывали вдоль насыпи и управились, наверное, меньше, чем за полминуты. Отступали след в след, Щенников последним, аккуратно закрывал следы лопаткой, маскировал бикфордов шнур, всё это он проделывал с ловкостью и аккуратностью опытного часовщика. Я позавидовал: всё-таки Щенников молодец, хорошо работает. Наверное, и часы хорошо починял» (С. 187-188, Гл. 9)

«Щенников хохотал с присвистом, стряхивал щелчком слёзы с палёных кончиков усов, моргал совсем по-мальчишески, щурился». (С. 200, Гл. 10)

«К вечеру вышли к заброшенной делянке, Щенников её, кажется, узнал, в сороковом он в леспромхозе механиком работал, они тут что-то рубили, или торф копали, не знаю. Щенников сказал, что здесь есть сено, колхозникам разрешали косить по углам, они накосили, а вывезти не успели, сено выгнило в первый же год, и никому не

нужно сделалось, но переночевать в нём можно, нам вон туда». (С. 242, Гл. 12)

«Справа ударила очередь. Щенников сразу упал, и ещё один упал, тот борода-тый. Кто-то подхватил уроненный Щенни-ковым пулемёт» (С. 257, Гл. 13)

«— Он погиб, — повторил я. — И Глебов. И Ковалец. Все» (С. 265, Гл. 14)

Зал «Партизанский быт»

Партизанский лагерь

«Лагерь у нас на самом деле не очень большой. Меньше футбольного поля, тесно, зато свой родник. И клюква вокруг по болотам, после заморозков сладкая, можно корзинку съесть» (С. 70, Гл. 3)

Землянка

«От влажности в землянке расплодились ползучки; не знаю, как они правильно зовутся, сколопендры, наверное, Саныч зовёт их стасиками. Перед сном приходит-ся жечь махру, а ещё табачным настоем брызгаться, иначе стасики пробираются под одежду греться и при любом движении впиваются в кожу, после чего на укушенном месте вздувается болезненная шишка. Лучше бы уж клопы: те нажрут-ся быстро — и спать, не беспокоят до утра; и укусы у них тоже полегче, и вообще... Клопы всё-таки привычные твари, поганые, конечно, но не настолько. Но клопов теперь у нас не водится. Как ползучки появились, так все клопы куда-то делись; Саныч говорит, что стасики их сожрали. Хорошо бы от них что-нибудь найти, дуст какой, керосин-то на них совсем не действует. Или пробку попробовать нажечь, а ещё лучше ногти, жжёные ногти даже тараканов отпугивают...» (С. 28-29, Гл. 2)

«— А вон там у нас землянки. Видите? Саныч указал пальцем.

— Нет... — помотал головой газетчик.

— В этом всё и дело. Землянки не потому, что они в земле, а потому, что земля поверху укладывается. И дерн. А потом трава разрастается, и ничего невидно. Хоть залетайся, сверху ничего не найдёшь. Я сам пять землянок выкопал. Пять!» (С. 68, Гл. 3)

«Землянка Алевтины очень от нашей отличалась. Нет, построены они почти все одинаково, печка при входе, лежанки, окошечко для света, а дальше кто во что горазд. У кого стол настоящий, у кого кресло самодельное, у некоторых на потолке доски откуда-то, печки обязательно — обычно самодельные, конечно, из булыжников сложенные да глиной обмазанные, только труба жестяная, а у некоторых и фабричные, такие маленькие буржуйки.

У Алевтины печка представляла собой нечто среднее — чугунная плита и дверца, стенки и труба из самодельных кирпичей. Грела печка хорошо, с улицы показалось горячо, вообще, в хорошо устроенной землянке теплей, чем в избе, только окон нормальных нет, но к этому быстро привыкаешь, потом в доме с окнами неуютно.

— Добрый вечер, — сказал Саныч чинно.

Алевтина кивнула. Она сидела возле плиты, читала книгу «Мёртвые души». Тоскливейшая вещь — её в солнечный день читать скучно, а уж в полутёмной землянке...

Алевтина улыбалась, наверное, на месте про Ноздрева, ну, как они в шашки играли, мне эти страницы тоже нравятся.

— А мы в гости к вам, — улыбнулся Саныч. — Не выгоните?

— Проходите, раз в гости, — пожала плечами Алевтина. — Садитесь вон...

Стулья кривые и уродливые, их Щурый делал. Гвозди у нас в цене, поэтому стулья вяжут веревками из ивовой коры, Щурый тоже так поступил. Верёвки разболтались, стулья стояли вкось-перекоось и опасно покачивались.

Мы уселись, причём я придвинул стул к стене, для лучшей опоры.

Щурый придвинул стол, Алевтина выставила маленький чёрный самовар, похожий на сплющенное яйцо, стаканы в таких же чёрных подстаканниках. Нарезанный серый хлеб в выструганной из капа миске, сахар россыпью, просто так, на самом деле, видимо, именины.

— Угощайтесь, гости дорогие, — объявил Щурый и сам первым уместился за стол и стал быстро есть хлеб.

Алевтина за стол не села, осталась на топчане, а мы с Санычем разместились вокруг самовара. Чай оказался с ромашкой и зверобоем, хлеб просто вкусный, я стал пить и потихоньку отщипывать краешки от ломтя» (С. 92-93, Гл. 4)

«Конечно же, я не уснул. Саныч храпел на своём топчане, громко и счастливо. Громче только часы его тикали. Они висели на палке, торчащей из стены, светились зелёным фосфорным светом и чуть покачивались, когда Саныч начинал ворочаться» (С. 176, Гл. 9)

Партизанская баня

«Вот это баня, под ёлкой. Баню, или поварню, надо всегда под ёлками ставить, чтобы дым рассеивался. Да лучше вообще всё под ёлками, чтобы не видно. И на трубу ещё из ведра противодым делать. У нас тут отличная баня. Баня для партизана – это самое главное, её строят первым делом. Хотя нет, первым делом – нужник» (С.67, Гл. 3)

Партизанская еда

«Последний раз мы ели вчера, в полдень, пшеничную кашу, прихваченную с собой в котелке, ничего, что горелая, так ещё лучше, вкус держался почти до вечера и с утра немного. А сейчас одни воспоминания остались; от холодного осеннего воздуха есть хотелось сильнее, я вертел головой, искал можжевельник, здесь он должен водиться. Собрать ягод, пожевать, голод хорошо перебивает. Можжевельника не встречалось» (С. 33-34, Гл. 2)

«Лыков повар. Плохой, он в керосинке раньше работал, продавцом. Спички, мыло, мука, ячмень, ну, его здесь на кухню и поставили – вроде как к продуктам питания отношение имел – вот и годен. Вот он нам и кашеварит, как умеет, то крупа не доварена, то песок хрустит, про недосол уж никто и не вспоминает. А лук всегда пережжённый. Но у нас никто не ругается, горячо и много – значит и вкусно. Вот и сейчас, шкварки застревали в зубах, лук Лыков пожарить забыл, и порезать забыл, просто забросил в котёл целиком, и он распространился по всей каше, мягкий и разваренный, вместо моркови то ли грибы пересушенные, то ли корешки подозрительные. Еда. Раньше бы меня от этого всего стошнило, сейчас добавки попросил бы. Только Лыков и так её приносит, без напоминания. Он нас жалеет, у него то ли внуки, то ли правнуки уже, а мы их ему, наверное, напоминаем» (С. 50, Гл. 3)

«Похлёбка оказалась как всегда невкусной. Суповые принадлежности уже

совсем разварились и не угадывались в ложке, понять, где грибы, где крупа, а где лук не получалось, у Лыкова определённо был талант, наверное, на чемпионате худших поваров он бы занял первое место. Кроме того, в котелке болтались комары, сухие еловые иголки и прочий мусор, можно выловить ложкой или хотя бы отогнать в сторону, но у нас никто так не делал. Я раньше ловил, а теперь плюнул, разницы всё равно никакой.

Похлёбка оказалась, как всегда, невкусной, но ели мы, как всегда, с удовольствием» (С. 72, Гл. 3)

«Вернулись к себе. Саныч зажёл гильзу, я взялся за печку, растопил за минуту. Теперь я могу растопить печку с закрытыми глазами и очень быстро, и так же быстро вскипятит чайник, насыпал в него сушёного шиповника пополам с брусникой, лучше, чем морковный. Хотя морковный тоже можно, особенно если с голода» (С. 87, Гл. 4)

«Стали пить чай. Если честно, то мне уже очень этот чай надоел. Шиповниковый надоел, брусничный, смородиновый, из чаги, из одуванчиковых корней, ромашковый, кипрейный, зверобойный, из других разных трав. Я раньше думал, что чай – он всегда из чая, а оказалось, его можно заварить из самых разных, на первый взгляд, бестолковых растений. И пить, пить – вместо завтрака, вместо обеда и ужина, и в промежутках тоже. Я ненавижу чай, больше никогда его пить не буду. Молоко буду, воду газированную, лимонад...» (С. 88, Гл. 4)

Партизанский фольклор

(пословицы, поговорки, афоризмы)

«Грязь – подруга партизана» (С. 29, Гл. 2)

«Пацанва должна в школе сидеть, бабы должны щи варить, а воевать должны взрослые» (С. 59, Гл. 3)

«Уши сами в треугольники складываются и на почту торопятся» (С. 63, Гл. 3)

«Поспешай, как Ковалец...» (С. 101, Гл. 4)

«– Не сопи, говорю, живи равномерно» (С. 184, Гл. 9)

«Партизаны в плен не берут» (С. 196, Гл. 9)

Зал «Тактика и стратегия партизанской войны»

Захват пленного

«Гад начал подниматься. Долго это у него получалось – очень трудно встать на ноги в луже, если к тому же у тебя руки за спиной связаны. Но ничего, оперся об осину башкой, справился. И почти сразу же упал снова.

– Мешок надо снять, – сказал Саныч как-то скучно.

– Как? – спросил я. – Он же...

Саныч махнул рукой, потрогал большим пальцем ТТ.

– Ладно... Гад! – Саныч пнул гада в ногу. – Гад, ты меня слышишь?

Гад кивнул.

– Хорошо слышишь. А шагаешь ты что-то не очень... Наверное, тебе видно плохо, да?

Гад отрицательно замотал головой. Ещё бы, понимает. Что если мешок сейчас снимем, то всё, пуля.

Мешок вообще хорошая штука, нарочно для таких случаев. В нём еле-еле видно, только под ногами, ну, может, ещё на метр вперёд. Шагать можно особо не запинаясь, а дорогу не запомнишь, как ни старайся. Саныч придумал. Он рассказывал, что они так раньше в фофана играли. Водящему на голову надевали мешок, давали в руки палку, ну, или плётку, что придётся, а сами по очереди к нему подкрадывались – кто пинка, кто кулаком по хребтине, но самым-самым считалось в лоб влупить. Ну, а водящий отбивался – и кому попало, тот сам водящим становился. Теперь мешок и в других отрядах используют, очень языка удобно в нём водить.

– Плохо видно? – переспросил Саныч.

– Нет! – выдал гад. – Нет, хорошо видно!

Разговорился, сволочь.

– Ну, а если тебе хорошо видно, то шагай быстрее. Фашистам жопу быстро лизал?! А сейчас чего не торопишься?!» (С. 31-32, Гл. 2)

«– Этот наш дристун Паша, кстати, очень пригодился, правильно, что не шлёпнули. Он, оказывается, на самом деле на железке работал, на грузовом дворе. Где часовые стоят, нарисовал, рожа фашистская, расписание вспомнил. Глебов

его в яму пока посадил, может, ещё чего вспомнит полезное.

– А потом? – спросил я. – Куда его?

– Не знаю... Глебов к соседям гонца послал, может им пригодится, станцией они занимаются. А может и нам понадобится для чего. А если не понадобится шлёпнем, конечно, откармливать его что ли... Глебов нам обещал сахара подкинуть, можно петушков нажечь. Ты умеешь?» (С. 64, Гл. 3)

Разведка

«– Завтра на север идём, – болтал Саныч, поглядывая на облака, – а погода непонятная. Хорошо бы дождь опять, а развидняется, кажется. Там «хейнкель» завалялся, вроде как, один местный просемафорил, надо посмотреть – на самом деле фашист, или наш, может. Глебов велит сходить, проверить, вдруг что полезное есть. А если наш, то и похоронить надо. Хорошо прогуляемся! Фашисты вряд ли подтянутся, мы раньше успеем... В прошлый раз когда за самолётом ходили, здорово было. Немецкий грузовик рассыпался, все фашисты всмятку, а тушёнка сохранилась. Главное, погода не подвела бы...» (С. 64, Гл. 3)

«Зачем нас за самолётом посылали?

– За каким самолётом?

– За каким за каким – за тем самым. За немецким грузовиком. Он вроде бы упал, мы его искали-искали – ничего не нашли. Пол-леса пропахали.

– Самолёт был, – задумчиво сказал Глебов. – Возможно, он упал в болото, поэтому вы его и не нашли» (С. 83, Гл. 4)

«– Нам ещё три дня шлёпать, пока к аэродрому подберёмся, – сказал он. – Может даже четыре – по такой-то погоде. Лучше нормально переночевать, кости ещё сто раз успеем отморозить. Ладно, как всегда работаем, под беспризорных» (С. 104, Гл. 5)

Обмен с немцами

«– Непонятно всё равно, – сказал я. – Вот мы, партизаны, шестьдесят седьмой отряд, всё как положено. И идём меняться с фашистами. Это как?

– Тут всё просто. Фашисты – они... – Саныч задумался. – Они как бы разные. По вредности. Есть те, которых в первую очередь надо бить – эсэсовцы, егеря, лёт-

чики, артиллеристы там всякие. А есть другие, не совсем настоящие. Вот взять Сталинград.

– Ну.

– Все настоящие фашисты там сейчас сосредоточены, а здесь у нас всякая мелкая погань, полицаи, доходяги германские – тех, которых в армию не взяли, одна нога короче другой. Они воевать не очень хотят, нам с ними тоже особо возиться нечего – только патроны тратить. Наше дело копить силы...

Это он произнёс не очень уверенно, но тут же поправился, прибавил голосу полагающейся строгости.

– Наше дело копить силы для главного удара, – повторил он.

– Зачем тогда рейды устраиваем? – удивился я.

– Я так думаю, для остротки больше, – ответил Саныч. – Чтобы фрицы не нагнали. А потом ты заметь, рейды у нас всегда особые: мост подорвать, или там эшелон, или горючее спалить. Разведка опять же. А управы по селам громить смысла нет.

– Почему?

– Тут просто всё... – Саныч поглядел в бинокль. – Просто... Стратегия. Вот, допустим, готовится наступление. Тут мы сидим в кустах и считаем вагоны. Не увеличилось ли количество, не проехало ли больше танков. Взрывать же нам пока ничего нельзя, без приказа. И вот наступление началось. Немцы стали по железке силы свежие перебрасывать – вот тут мы и выходим. Эшелоны опрокидываем, мосты взрываем. Это гораздо важнее, чем фельдфебеля косорылого повесить, знаешь ли. Вообще, тут самостоятельности особой не надо...

Саныч продолжал смотреть в бинокль.

– Самостоятельность вредит, знаешь ли... Ну, прибьёшь ты десяток фашистов, так они сюда карателей подтянут, зондеров всяких, отряд поприжмут, а то и разбомбят. И когда потребуются эшелоны валить, это уже некому делать будет. Ясно?» **(С. 127–128, Гл. 6)**

«Зато сейчас у нас организация, каждый отряд своим делом занят. Партизанский край. Фашисты знают, где наши деревни и туда не особо суются. По узкоколейке можно на дрезине спокойно ездить, самолёты прилетают, рация работает, лазарет задумываем, дороги под контролем.

Полицаи по норам сидят, почти порядок. Саныч скрипнул зубами, взялся за штык.

Вчера утром он ругался. Кричал, что ему надоело, что он в партизаны пошёл не для того, чтобы с фашистами брататься, что он сейчас пойдёт, расскажет Глебову. И пошёл, и рассказал, а потом вернулся в землянку совсем уж злой, сказал, что нас посылают шарашить и у меня есть пять минут, что Ковалец свинья, пусть бы сам хоть раз попробовал, сволочь... А сейчас вот мне про партизанскую стратегию рассказывает.

Стратег.

– Партизанская война – это тебе не только стрельба, это ещё и разложение»

– Что? – не понял я.

– Разложение морального духа. Вот ты думаешь, для чего мы все это сюда притащили?

Он указал на вещмешки.

– На патроны менять, на гранаты... А разве нет?

Саныч помотал головой.

– Не. патронов и так полно. Гранаты можно, конечно, взять. Но не это важно. Важно то, что эти... – Саныч кивнул в сторону села. – Эти привыкают, втягиваются. А когда придёт нужный час...

Лицо у Саныча сделалось страшное, я понял, что он явно видит этот час, и всё то, что в этот час случится» **(С. 129–130, Гл. 6)**

«– Это же надо обменять...

Саныч помотал головой.

– Не, – сказал он. – Одну можно слопать. Глебов так всегда велит делать.

– Зачем?

– Разложение опять же. Мы должны выглядеть сыто и довольны, это вселяет страх в сердце врага. Полушубки нам выдали опять же, шапки меховые – пусть знают, кто здесь хозяин.

– Получается, они должны нас бояться и не бояться одновременно? – спросил я.

– Ага. Так лучше всего. Непонятность. Когда непонятность, то до сортира без пушки дойти страшно, не то, что в атаку бежать. Давай есть» **(С. 130–131, Гл. 6)**

«Сошлись возле сосны, немец скинул ранец, внутри оружейно громыкнуло. Гранаты.

– Хорошо, – сказал немец, поглядел на меня с подозрением.

– Гранаты? – спросил Саныч.

– Хорошо.

Немец открыл ранец.

Наши, лимонки. Свои даже и не предлагают, не нужны они никому, кроме самих фашистов. Взрываются медленно. Дёрнешь за верёвку и держи, считай, а если раньше кинешь, тебе её обратно подбросят. А если те раньше времени подбросят, то можно успеть и в третий раз перекинуть, опасно всё это. Наши надёжнее.

Немец запустил в ранец сразу две руки и достал гранаты, как картошку, семь штук, зажав их между толстыми и длинными пальцами, я не люблю людей с такими руками – из них не получают фотографии, зато пулемётчики хорошие.

– Белая? Папиросы? Сало? – кивнул немец на вещмешок, облизнулся.

Саныч предъявил бутылку самогона, воткнул в снег. Я предполагал, что немец станет торговаться, но он не стал, сыпал гранаты в руки Санычу, затем достал из ранца взрыватели.

– Хорошо.

Саныч кивнул, передал мне гранаты, я спрятал их в рюкзак. Немец приблизился, протянул запалы. Мне не хотелось к нему прикасаться никак, и я сдёрнул ушан-

ку, протянул, и тут же понял, как это выглядит: я стою с протянутой шапкой перед фашистом, но было уже поздно – фашист уже сыпал в неё взрыватели» (С. 133–134, Гл. 6)

«Ещё гранаты, штук десять. Патроны для МП, несколько пачек. Пистолеты. «Вальтер», «Браунинг», патроны к ним. Саныч принялся изучать предложенное. Отложил гранаты, взамен выставил бутылку. Немец опять не стал торговаться, и от пробы не удержался». (С. 134, Гл. 6)

«... Это трофеи, всё по праву. Вот у тебя же МП есть? Ты из него стреляешь – и ничего. А шоколадка – это шоколадка... Почти то же самое, что граната. Весит мало, а толку много. Потом... Знаешь, мне сам Глебов велел, ну, чтобы шоколад, если получится, добыли. Для разведчиков. Им нужно хорошо питаться, чтобы в обморок на переходах не падать. Понятно?» (С. 139, Гл. 6)

Подрыв эшелона. Бой
Глава 9 (полностью)